

... се зрите, роды, прилѣжно смотрите,
яко Россійскій Орель ся вселяеть
Вѣрою в солнце, в Христа облакает...

Или муза „Фаллиа“, цитирующая „Песнь песней“ царя Соломона (стр. 32—33):

Негда нѣкто почюдиться,
егда Орлу присмотрится, —
Вскую, иже убѣленный,
егда в Христа облеченный,
Той ся чернымъ проявляет; —
тѣмъ ся вѣрнымъ похваляет,
Съ невѣстою глаголь дая,
въ пѣснехъ пѣсней воспѣвая:
Азъ есмь черный, дщи Сиона...

Показателен для характеристики действительной природы его, Симеона, „классицизма“ и монолог Аполлона: обращаясь к музам, Аполлон выражает решительное сомнение в том, что музы смогут достойным образом воспеть царевича Алексея — новоявленное „солнце“ на „Российском небѣ“ (стр. 38—39):

Сама Афина едва здѣ довлѣть,
Толику славу Россна имѣть.
Омиръ преславный въ стихотворенни
не могъ бы пѣти о семъ явлении.
О Енеевыхъ Виргилию бранехъ,
Овидию же о Гетійскихъ странехъ
Метротворити, — а здѣ не довлѣють;
и риторове о семъ не умѣють
Рещи довольно; Демосфинъ нѣмствуеть,
Кикеронъ славный ему пособствуеть
Всуе Евриппу много почюдися
Аристотелесь и во всемъ трудися:
Здѣ чело ему мощно бы потити
и всепостижный умъ свой утрудити,
На славу зряще свѣта Алексия,
Царьскаго сына, иже Руси всея
Есть веселие...

Не трудно заметить, что весь этот длинный перечень античных авторов сюда введен отнюдь не для античного „колорита“: он понадобился Симеону только как опорный материал для столь обычной для него безудержной „поэтической“ гиперболы:

...нужда здѣ пѣвцовъ от небесна лика,
Еже вопѣти, како онъ сияеть,
како Россию свѣтомъ озаряеть
Славы своея...